

СТРАШНОЕ СЛОВО РАСКАЗАЧИВАНИЕ

TERRIBLE WORD RASSOSSACHIVANIE

Слово *расказачивание* было отражено в толковых словарях русского языка только в 1998 г., хотя было хорошо известно историкам казачества и активно употреблялось ими. Использовал его и М.А. Шолохов в письме к М. Горькому и в третьей книге романа «Тихий Дон». Эта книга романа изображает Вёшенское восстание казаков, к которому привела политика расказачивания и перегибов, связанных с ее проведением. Словарная статья в «Большом академическом словаре русского языка» нуждается в уточнении.

Ключевые слова: казак, расказачивание, М.А. Шолохов, словарь.

The word *rassossachivanie* (*de-Cossack*) has been reflected in the Russian dictionaries only at the end of XX century though historians actively used it before. M.A. Sholokhov used it in the letter to M. Gorky and in the novel "Quiet Flows the Don". The third book of the novel describes revolt of Cossacks in which the policy *de-Cossack* has been resulted. The word is reflected in the dictionary of language of the Sholokhov. The entry in "Big Academy dictionary of Russian" should be changed.

Keywords: Cossack, *rassossachivanie* (*de-Cossack*), M.A. Sholokhov, dictionary.

Одна из самых трагических страниц в истории русского казачества определяется словом *расказачивание*, которое было отражено в словарях русского языка (кодифицировано) совсем недавно. В течение почти ста лет было явление, известное не только казакам, но и всем образованным людям России, читавшим роман М.А. Шолохова «Тихий Дон». Любой поисковик выдаст десятки исторических исследований с этим словом в названии [1; 2; 3 и др.]

Слово не было отражено в толковых словарях русского языка, а термин (понятие) не был отражен в энциклопедиях по политическим соображениям. Впервые, по нашим данным, слово зафиксировал «Толковый словарь русского языка конца XX в.»: *расказачивание* «В советск. время: политика лишения казачества самостоятельных военных и политических прав, фактически – его уничтожения» с пометой «зафиксировано впервые» и подтверждающими контекстами из газет 1990-х гг. [4, с. 534]. Заметим, что вышедший тогда же и даже в том же издательстве словарь В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной отразил слово

раскулачивание, но не зафиксировал *расказачивание* [5].

В «общих» толковых словарях русского языка слово отражено в словаре под редакцией С.А. Кузнецова в том же 1998 г.: *расказачивание* «В России после Октябрьской революции: политика, направленная на уничтожение, размывание социально-культурных особенностей казачества» [6, с. 1086]. Там же впервые отмечены глаголы: *расказачить* «Провести расказачивание». *Расказачивать*. *Расказачиваться* [6]. И, наконец, слово отражено в выходящем в наше время «Большом академическом словаре русского языка»: *расказачивание* «Разрушение векового образа жизни казаков как следствие проводимой государственной политики в первые годы советской власти» [7, Т. 22, с. 605], представлены и глаголы *расказачивать* (*расказачить*) «Проводить расказачивание», в конце словарной статьи дана лексикографическая ссылка на [6]. Итак, восторжествовала справедливость: слово, существовавшее в течение многих десятилетий, наконец-то заняло свое место в словнике русского языка. На самом деле история слова, по видимому, все же длиннее и сложнее, чем та, что отражена в академическом словаре. Первая же

¹ Кандидат филологических наук, доцент; кафедра литературы и языка Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова

подтверждающая цитата, представленная в академическом словаре, дана из А.И. Деникина: *Тем временем, по инициативе революционной демократии, началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи «рассказачивания»*. А. Деникин. Оч. русской смуты [7.с. 605]. Если рассмотреть чуть более широкий контекст, она повествует, конечно, не о действиях советского правительства, а говорит о событиях после Февральской революции, о действиях Всероссийского казачьего съезда, который проходил в Петрограде в июне (!) 1917 г.: *Казачий съезд закрылся, оставив в Петрограде «Совет союза казачьих войск». Впечатление у всех осталось неопределенное: и надежды одних, и опасения других не рассеялись. Тем временем, по инициативе революционной демократии, началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи «рассказачивания»* [выделено мной. – О.Д.]. *Там, где казаки были вкраплены в меньшинстве, среди иногороднего или туземного населения, она имела вначале некоторый успех: так, в марте круг Забайкальского войска, совместно с крестьянами и инородцами, постановил упразднить войско; в Сибирском войске вызвал большие осложнения приезд 43 делегатов, командированных с фронта распространяемым комитетом Сибирской дивизии, – для «рассказачивания» – и для общей разверстки земли между казаками и крестьянами* [8, гл. 27]. Значит, термин *рассказачивание* существовал до 1919 года (прежде всего, *рассказачивание* связывают с директивой Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., в которой, как и в других документах – декрете ВЦИК СНК 11 (24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», Постановлении СНК от 9 (22) декабря 1917 г. и др., слово *рассказачивание* (*рассказачить*) не употребляется. Слово используется в Обращении к Донскому, Кубанскому, Терскому, Астраханскому, Уральскому, Оренбургскому, Сибирскому, Семиреченскому, Забайкальскому, Иркутскому, Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам от 14 августа 1919 года, когда уже на местах перегибы в проведении политики по отношению в казаку (*рассказачиванию*) были столь ужасными, что привели к вооруженным восстаниям, в частности к Вёшенскому восстанию донских казаков. В обращении, подписанном М. Калининным, В. Ульяновым (Лениным), В. Аванесовым, М. Макаровым, Ф. Степановым, говорится: «Разве новая рабоче-крестьянская власть стала притеснять вас или ваши родные места и веру? Ведь этого нет. Напротив, Рабоче-Крестьянское правительство объявило свободу всем. Таковую свободу дало оно

и казакам. Оно не собирает никого *рассказачивать* насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)... Советское правительство одинаково заботится о казаке, крестьянине и рабочем. Оно защищает их общие интересы... За преступление против казаков, крестьян и рабочих Советское правительство строжайше наказывает, вплоть до расстрела...»

Историки казачества утверждают, что «сам термин “рассказачивание” появился во второй половине XIX века. Под рассказачиванием понимали упразднение сословных льгот и тягот казачества, уравнивание его в социально-экономическом плане с другими слоями населения, главным образом – с крестьянством. Ни о каких насильственных мерах воздействия на казачество в то время никто даже не заикался» [9, с. 95]. Именно в этом значении термин употребляется у А.И. Деникина: «Неприкосновенность казачьего уклада. Но после войны – несение службы на общих основаниях. Оставление в неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска его земель и угодий со всеми недрами» [8, гл. 27]. Историки полагают, что есть два этапа употребления термина, под которым первоначально понималось уравнивание казаков с крестьянами, то есть лишение его особых привилегий и обязанностей как особого военного сословия России.

Даже если в толковых словарях нашего времени найдет отражение толкование слова только применительно к политике советского правительства, то, на наш взгляд, следует уточнить языковой материал подтверждающих цитат. Если отбросить цитату из А.И. Деникина, то складывается впечатление, что никто из писателей до Ю.В. Трифонова («Старик») и В.А. Солоухина («Соленое озеро») не употреблял слова *рассказачивание*, никто до С. Куняева («Поэзия. Судьба России») и Л. Сараскиной («Александр Солженицын») не употреблял глагол *рассказачить*. Наверное, именно такие выводы можно сделать, если пользоваться только данными Национального корпуса русского языка. На самом деле это не так.

М.А. Шолохов, рассказавший всему миру о жизни донских казаков, не только с красотой и радостями, но и с величайшими горестями в годы перелома и проведения политики истребления казачества, посвятил 3-ю книгу романа «Тихий Дон» Вёшенскому восстанию. В течение долгого времени книга нобелевского лауреата по литературе была едва ли не единственным

источником, рассказывающим правду об установлении советской власти на Дону, и о политике правительства по отношению к казакам. Исследователи творчества М.А. Шолохова знают, что писатель столкнулся с очень большими трудностями при публикации 3-й книги романа. За помощью он обратился к А.М. Горькому, в письме к которому от 6 июня 1931 г. он употребляет слово *рассказывание*. Пытаясь объяснить причины Верхне-Донского (Вёшенского) восстания казаков, Шолохов привел цитату из книги Л.С. Дегтярева «Политработа среди населения прифронтовой полосы», где есть такое предложение: «Примером яркой ошибки может служить политика “рассказывания” донского казачества весной 1919 г., которая привела к поголовному восстанию многих станиц Донской области в тылу Красной армии, приведшему к поражению Южфронта и к началу длительного наступления Деникина». А потом еще употребляет слово (заметим, что уже без кавычек) при объяснении собственного замысла: «Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики *рассказывания* и ущемления казаков-средняков, т<ак> к<ак> не давши этого, нельзя вскрыть причины восстания. А так, ни с того ни с сего не только не восстанут, но и блоха не кусает [10, с. 156]. Слово было хорошо известно писателю, как и страшный процесс, который был обозначен этим словом. Внимательный читатель «Тихого Дона» мог узнать из романа о многих зловещих чертах уничтожения самобытности казачества. Приведем только некоторые примеры из романа.

Один из главных пунктов процесса был связан с полным разоружением военного сословия. Директива Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. имела специальный пункт: «5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи». М.А. Шолохов описывает, как на сходе подхорунжий Лапченков, сподвижник Фомина, оглашает приказ: «А затем привез я приказ от окружного Совета, он короткий: сдать все огнестрельное и холодное оружие». Тих. Дон, 6, XVIII (здесь и далее все цитаты даны по [11], после названия романа арабскими цифрами указана часть, римскими – глава). Понятно, что казаки восприняли такой указ как оскорбление: – *Они нам давали оружие, что лапу на нее накладывают?.. <...> – Шашки на свои копейки справляли! – я со своим винтом с германской пришел, а тут отдай? – Оружие, скажи, не отдадим! – Казаков обобрать норовят! Я что же значу без вооружения? На каком полозу я должен ехать?*

Я без оружия, как баба с задратым подолом, – голый. – При нас останется. Там же. Однако уполномоченный непреклонен: *Лавченков погладил свою папашку и как причептал: Кто в этих трех днях не сдаст оружие, будет предан революционному суду и расстрелян, как контра.* Там же. Конечно, казаки, подчинившись приказу, сдали далеко не все оружие; писатель рассказывает о братьях Мелеховых: *На другой день после выборов власти хутор разоружился до двора. В моховском доме, занятом под ревком, теплые сени и коридор завалили оружием. Петро Мелехов тоже отнес свою и Григория винтовки, два нагана и шашку. Два офицерских нагана братья оставили, сдали лишь те, что остались еще от германской.* Тих. Дон, 6, XIX. Оружия у казаков, которые были военным сословием России, было так много, что им было заполнено несколько помещений в доме, как видно из предыдущей цитаты.

Главный пункт положения о *рассказывании* – это физическое уничтожение наиболее активной и уважаемой части казачества, прежде всего – стариков. Первый пункт циркулярного письма от 24 января 1919 г. («Директива об уничтожении казачества») гласил: «1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо принять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти».

М.А. Шолохов во многих контекстах романа показывает, что казаки интуитивно понимали это: *С россыпи спокойных дней свалилась жизнь в прорезь. Закипел Верхне-Донской округ. Толкнулись два течения, пошли вразброд казаки, и понесла, завертела коловерть. Молодые и которые победней – мялись, отмалчивались, всё еще ждали мира от Советской власти, а старые шли в наступ, уже открыто говорили о том, что **красные хотят казачество уничтожить поголовно.*** Тих. Дон, 6, XXIV; *...хотят нас коммунисты изничтожить, перевесть вовзят (вовзят – «совсем, вконец». – Примечание автора).* Там же. Казаки считают, что так большевики мстят им за подавление революции 1905 года: *Они нам солют за девятьсот пятый год, мы эти слова слышали от красных солдат.* Тих. Дон, 6, XXIV.

Уничтожение казаков Шолохов убедительно показывает в эпизоде ареста хуторян. Если

внимательно прочитать список арестованных врагов Советской власти, то только Мирон Григорьевич Коршунов был бывшим атаманом, а Андрей Кашулин и Федот Бодовсков участвовали в расстреле подтелковцев. Остальные же были арестованы по надуманным, а то и смехотворным причинам: Архип Матвеевич Богатырев был ктитором (*титор*, как написано в списке, – церковным старостой); Пантелея Прокофьевича Мелехова хотели арестовать за то, что он был членом Войскового круга, то есть избранным от хутора в высший орган власти казаков – Войсковой круг. От ареста его спасла болезнь – тиф. Захар Леонтьевич Королев отказался сдать оружие; Семен Гаврилович Майданников надевал погоны, ношение которых к тому времени было запрещено; Григория Мелехова хотели арестовать за то, что он был офицером, подьесаулом (от ареста в тот момент Григория спасло то, что он был в отъезде – мобилизован в обывательские подводы), остальные же казались Советской власти ненадежными. Поистине величественным рисует писатель уход арестованных хуторян: *Бычинные сани медленно поползли через площадь к Дону. Семь человек арестованных и два милиционера пошли позади. Авдеич приотстал, завязывая чирик, и молодежаво побежал догонять. Матвей Кашулин шел рядом с сыном. Майданников и Королев на ходу закуривали. Мирон Григорьевич держался за кошелку саней. А позади всех величавой тяжелою поступью шел старик Богатырев. Встречный ветер раздувал, заносил ему назад концы белой патриаршей бороды, прощально помахивая махрами кинутого за плечи шарфа.* Тих. Дон, 6, XXII. И, конечно, никто из хуторян не ожидал, что арестованных расстреляют. Не ожидал этого казак Ольшанов, который сопровождал арестованных, о чем он сразу же, еще ночью, говорит Котлярову, избранному главе хуторского совета: – *Казак-то расстреляли. – Бреешь, гад! – Пригнали мы – сразу их на допрос и, ишо не стемнело, повели в сосны... Сам видал!..* Тих. Дон, 6, XXII. Не ожидал этого Котляров, поэтому ночью побежал с этой вестью к Штокману, своему наставнику-большевику; сам казак, он понимал, что расстрела не примут хуторяне и раскол между казаками и советской властью будет еще глубже: – *Каких отправили мы ноне – расстреляли в Вёшках! Я думал, им тюрьму дадут, а так что же... Так мы ничего тут не сделаем! Отойдет народ от нас <...>!.. Тут что-то не так. На что надо было сничтожить людей? Что теперь будет?* Там же. Конечно, не поняли и не приняли этого расстрела простые казаки, их мысли на хутор-

ском сходе высказал Алешка Шамиль: *Ну скажи, правильно расстреляли хуторных наших? За Коршунова гутарить не буду, – он атаманил, весь век на чужом горбу катался, а вот Авдеича Бреха за что? Кашулина Матвея? Богатырева? Майданникова? А Королева? Они такие же, как и мы, темные, простые, непутаные. Учили их за чапиги держаться [чапига – ручка сохи, плуга; держаться за чапиги – пахать. – О.Д.], а не за книжку. Иные из них и грамоте не разумеют. Аз, буки – вот и вся ихняя ученость. И ежели эти люди сболтнули что плохое, то разве за это на мушку их надо брать?* Тих. Дон, 6, XXII.

Расказачивание проявлялось и в том, что казаков пытались лишить родины, отнять от земли и отправить из родных мест с Дона в другие части России. Штокман, самый «правильный» коммунист в «Тихом Доне», понимает, что всех расстрелять нельзя: *Для этого необязательно всех расстреливать. Уничтожить нужно только матерых, а остальных – ну хотя бы отправить в глубь России.* Тих. Дон, 6, XXII. То, что советовал Штокман, осуществлял комиссар Малкин из станицы Букановской, о методах расказачивания которого рассказал Штокману возница – казак-старовер, везший Штокмана, Кошевого и Котлярова в станицу Усть-Хоперскую: *Сейчас эвакуирует в глубь России мужское население станиц.* Тих. Дон, 6, XL.

Но главным был обратный процесс. На исконно казачьи земли из других районов России переселяли мужиков (людей, не имевших казачьего звания, на казачьих землях называли *иногородними*). Более подробно об иногородних на казачьих землях и об отношении к ним казаков [12]). В Директиве об уничтожении казачества от 24 января 1919 года иногородним было посвящено 3 пункта: «3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселения, где это возможно. 4. Уравнять пришлых “иногородних” к казакам в земельном и во всех других отношениях. 6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних». Главным вопросом в отношении иногородних являлся вопрос о земле, которой казак наделялся при рождении в силу принадлежности к казачеству, а у иногородних такого права не было. Проблема надления землей иногородних, проживавших на казачьей территории, всегда, еще до революции, стоял остро. Вот один из диалогов между Пантелеем Прокофьевичем и Григорием о земле: – *Ты, Гришка, подумай. <...> казак – он, как был казак, так казаком и останется. Вонючая Русь у нас не должна править. А ты знаешь, что иногородние зараз гутарют?*

*Всю землю разделить на души. Это как? – Иногородним коренным, какие в Донской области живут издавна, дадим землю. – А шииа им! Вот им выкусить!.. – Пантелей Прокофьевич сложил дулю; дергая большим когтястым пальцем, долго водил вокруг Григорьева горбатого носа. Тих. Дон, 5, XIII. И позиция Григория по поводу земли, когда началась политика рассказывания, когда доведенные бесчинствами бойцов Красной армии казаки восстали, резко изменилась. Его внутренняя речь выражена Шолоховым так: *Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда. Биться с ними насмерть. Рвать у них изпод ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю. Гнать их, как татар, из пределов области.* Тих. Дон, 6, XXVIII.*

Политика рассказывания проявлялась и в бытовых явлениях. Местные власти запрещали носить награды, полученные за службу, что было оскорбительно для казаков, так как награды свидетельствовали о храбрости и доблести казаков. Запрещено было носить казачью военную форму со знаками отличия, которую традиционно носили казаки после возвращения с действительной службы. Бросающейся в глаза особенностью казачьей военной формы были лампасы, которые казаки считали отражением крови, пролитой на полях сражений, и символом своей вольности (казаки не знали крепостного права, чем очень гордились). Эпизоды с ношением формы и шаровар с лампасами есть во многих произведениях М.А. Шолохова. Приведем только несколько примеров: *Назло им [красным. – О.Д.] носил [дед Гаврила. – О.Д.] шаровары с лампасами, с красной казачьей волей, черными нитками простроченной вдоль суконных с напуском шаровар. Чекмень надевал с гвардейским оранжевым позументом, со следами ношенных когда-то вахмистерских погон. Вешал на грудь медали и кресты, полученные за то, что служил монарху верой и правдой; шел по воскресеньям в церковь, распахнув полы полушубка, чтоб все видали. Чужая кровь; Пантелея Прокофьевича с ногшибануло при взгляде на свата: под распахнутой шубой у того виднелись все кресты и регалии за турецкую войну, красные петлички вызывающе сияли на стоячем воротнике старинного мундира, старчески обвисшие шаровары с лампасами были аккуратно заправлены в белые чулки, а на голове по самые восковые крупные уши надвинут картуз с кокардой.* Тих. Дон, 6, XIX. На совет снять неположенные казачьи знаки казаки отвечали, как дед Гришака Пантелею Прокофьевичу: – *Кокарду, говорю, сыми! Кресты скинь!*

Заарестуют тебя за такое подобное. При Советской власти нельзя. Закон возбраняет. – Я, соколик, верой-правдой своему белому царю служил. А власть эта не от бога. Я их за власть и не сознаю. Я Александру-царю присягал, а мужикам я не присягал, так-то! Тих. Дон, 6, XIX. Хотя в обращении ВЦИК СНК от 14 августа 1919 г. правительство революционной России пыталось оправдаться, что оно не посягает на традиционный казачий уклад жизни, в том числе и на ношение формы с лампасами: «Оно не собирается никого рассказывать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)...», но исследователи казачества свидетельствуют, что реально лампасы были запрещены до 1925 года, само слово *казак* было в течение ряда лет под запретом, а традиционные именованья казачьих поселений *станция* и *хутор* были заменены русскими *село* и *деревня*, что не могло быть принято казаками, чрезвычайно дорожившими традициями и обычаями предков. В.И. Ленин посылал специальную телеграмму Реввоенсовету Южного фронта о том, что ревком Котельниковского района Донской области проводит такие преобразования, как изменение слов *станция* на *волость*, упраздняет слово *казак* и не разрешает носить лампасы, а это только осложняет положение. Председатель Совнаркома обращает внимание на «необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население» [13, Т. 50, с. 387]

В тексте романа есть и глагол *рассказывать*, он употреблен в передаче речи комиссара станицы Букановской Малкина, о зверствах которого поведал Штокману, Кошевому и Котлярову везший их казак-старообрядец: *А комиссар в Букановской так, к примеру, наворачивал: «Я, дескать, вас **рассказачу**, сукиных сынов, так, что вы век будете помнить!»* Тих. Дон, 6, XXXIX. Правдиво изобразил М.А. Шолохов не только «действия» комиссара Малкина (реальное историческое лицо) по рассказыванию: *Собирает с хуторов стариков, ведет их в хворост [заросли тальника – О.Д.] вынает там их нух души, телешит [раздевает – О.Д.] их допрежь и хоронит не велит родным. А беда ихняя в том, что их станишными почетными судьями выбирали когда-то. А ты знаешь, какие из них судья? Один насилу свою фамилию распишет, а другой либо палец в чернилу обмакнет, либо хрест поставит. Такие судья только для виду, бывалоча,*

сидят. Вся его заслуга – длинная борода, а он уж от старости и мотню [здесь: ширинку – О.Д.] забывает застегнуть. Какой с него спрос? Все одно как с дитя малого. Тих. Дон, 6, XXXIX, но и оценку деятельности комиссара Малкина политкомом, московским рабочим с завода Михельсона: – Он там одно время пересаливал. Парень-то он хороший, но не особенно разбирается в политической обстановке. Да ведь лес рубят – щепки летят... Там же.

Сам М.А. Шолохов в письме к А.М. Горькому от 6 июня 1931 года в ответ за обвинения, что в романе он оправдывает восстание, писал: «Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию: причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской ст<ани>це 62 казаков-стариков, или расстрелы в ст<ани>цах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба), в течение 6 дней достигло солидной цифры в 400 с лишним человек. <...> И естественно, что такая политика, проводимая некоторыми представителями Сов<етской> власти, иногда даже заведомыми врагами, была истолкована как желание уничтожить не классы, а казачество. Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательные стороны политики расказачивания и ущемления казаков-средняков, т<ак> к<ак> не давши этого, нельзя вскрыть причины восстания» [10, с. 156].

Слово *расказачить* отражено в словаре языка писателя [14].

Итак, в толковые словари русского языка внесены хорошо знакомые всем казакам и историкам казачества слова *расказачивание* и *расказачить*. Однако предстоит еще найти форму

предъявления этого слова, уточнить дефиницию, так как история слова древнее постановлений Советского правительства о политике в отношении казаков. Следует изменить примеры в иллюстративном материале, включив в их число цитаты из М.А. Шолохова, чтобы не складывалось впечатление, что слово начали употреблять только в последние десятилетия.

Литература

1. Кислицын С.А. Государство и расказачивание, 1917–1945 гг. – Ростов н/Д, 1996.
2. Генис В.Л. Расказачивание в советской России // Вопросы истории. – 1994. – № 1.
3. Магнер Г. Расказачивание в системе массовых репрессий // Альтернативы. – 1999. – № 4.
4. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под. ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 1998.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998.
7. Большой академический словарь русского языка. – М., СПб., 2013. – Т. 22.
8. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Париж, 1921 (М., 1991). – Т. 1.
9. Трут В. Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // Родина. – 2004. – № 5.
10. Шолохов М.А. Письма 1924–1984 гг. Жизнеописание в документах / составитель В.В. Петелин. – М., 2003.
11. Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1985.
12. Давыдова О.А. *Иногородний* в дискурсе казаков и в текстах М.А. Шолохова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Межд. конгресс исследователей рус. яз. – М., 2007.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 50.
14. Словарь языка Михаила Шолохова. – М., 2005.